

Мо Ин достал из-за пазухи лист бумаги и, показывая его всем присутствующим чиновникам, спросил:

— Чи Линь, угадаешь, что это? Кто-то подсунул мне этот донос. Хочешь, чтобы я зачитал его вслух?

— Кто это сделал? Ваше Величество, не слушайте клевету негодяев!

— Похоже, ты хочешь услышать.

Мо Ин, который никогда не говорил так много при незнакомых людях, чувствовал, что гнев все еще пылал в его груди, несмотря на произнесенные слова.

Он опустил лист желтоватой бумаги, чтобы стоявшие сзади евнухи не могли его увидеть, и медленно начал:

— Месяц назад в Тяньсянгэ ты встретился с Чжоу Тяньжуном, управляющим по зерну. Он сказал, что по твоему приказу все продовольствие, предназначенное для генерала Чанпина, было заменено на гнилое и заплесневелое и доставлено в последний момент.

Эти слова вызвали бурю возмущения. И Цунчжоу резко поднял голову.

Чжоу Тяньжун был тем, кто первым разжег войну, и его атаки были самыми яростными. Он дрожал, опустившись на колени, и уже через мгновение пот образовал лужу на полу, где он бил поклоны.

Чи Линь, который думал, что император просто пугает его, словно пораженный ударом молнии, рухнул на пол.

Его ум был в смятении. Он пытался понять, предал ли его Чжоу Тяньжун, и думал, попросит ли его отец, Чи Хоудэ, о помиловании. Под давлением он не мог ясно мыслить и нес околесицу:

— Ваше Величество, не слушайте этого негодяя Чжоу Тяньжуна! Это не из-за продовольствия, Чжоу Тяньжун отправил гнилое зерно, и это не имеет ко мне отношения. Он просто хочет втянуть меня в это.

Чжоу Тяньжун, также выходец из знатной семьи, хоть и зависел от Чи Линя, имел свою гордость и не мог терпеть, когда на него возводили напраслину. Тем более это было преступление, караемое смертью, и император явно намеревался докопаться до истины. Если бы он стал козлом отпущения, его семья могла быть уничтожена.

Он завопил:

— Ваше Величество, ваш грешный слуга признает свою вину. Все это сделал Чи Линь, он принудил меня. У него была власть, как я мог послушаться?

Его признание подтвердило вину обоих.

Чиновники переглядывались, не веря своим глазам.

Отец Чи Линя, Чи Хоудэ, тяжело кашлянул. Старый чиновник, получивший разрешение не становиться на колени, дрожа, опустился на пол.

— Канцлеру не нужно становиться на колени и не нужно просить о помиловании. Ван Си, отведи канцлера на отдых. Он стар и нуждается в покое.

Ван Си с охраной увел Чи Хоудэ.

Без защиты отца Чи Линь остался без опоры. Даже без прямых доказательств заставить его признать вину было несложно.

Юань Цзяоянь не сводил глаз с Мо Ина, постоянно поглаживая подбородок, как будто получил огромное удовольствие.

Сюэ Чжунго и другие преданные чиновники дрожали от волнения.

Мо Ин взглянул на бумагу:

— Ты передал информацию о передвижениях генерала Чанпина вражеским шпионам. Я скажу это сам, или ты признаешься?

Чи Линь, рыдая, продолжал отрицать:

— Не я, не я, Ваше Величество...

В чем он ошибся? И Цунчжоу был всего лишь неудачником, чья семья погибла. Солдаты были из бедных семей, и их смерть ничего не значила. В государстве Чэн таких бесправных людей было множество. Кто заботился о мире на границе? Они сами виноваты, что родились в такой глуши и должны страдать от войны.

Мо Ин увидел злобу в его глазах.

Этот мусор, погубивший столько солдат и косвенно убивший жителей границы, даже не раскаивался. Бездарный случай!

Гнев Мо Ина достиг предела. Он ударил по столу и встал.

— Чи Линь, ты слышал крики солдат на поле боя? Они выли от боли! Ты, палач,

заслуживающий тысячи ударов, как смеешь плакать? Плакали ли тысячи погибших солдат? Плакали ли женщины и дети, захваченные и обещенные врагом? Слышишь ли ты плач старух, ждущих своих сыновей?

Каждое слово било точно в цель.

Сюэ Чжунго загорелся, невольно сделав шаг вперед.

В зале не было эха, но слова Мо Ина продолжали звучать в сердцах всех присутствующих.

— Стража!

Мо Ин, чувствуя отвращение при виде Чи Линя и истощив силы, слабо произнес:

— Заключите Чи Линя и Чжоу Тяньжуна под стражу. Завтра мы вернемся во дворец, и Верховный судья тщательно расследует это дело. Я лично буду решать спорные вопросы, и Верховный судья сообщит мне результаты расследования.

Стража в черных одеждах подошла, чтобы забрать их. Чи Линь плакал и кричал, пока его голос не сорвался. Командир, раздраженный, прикрикнул:

— Заткнись, или до суда тебе в тюрьме придется несладко!

Его вытащили за дверь, избили, и только после этого успокоили и увели.

Те, кто причинял вред своим же, вызывали всеобщее презрение и ненависть.

Мо Ин был на пределе сил, его голос становился все тише:

— Есть ли у других достойных чиновников что-то доложить?

Ошеломленные произошедшим, чиновники, даже если у них были дела, не решались беспокоить императора в такой момент.

— Тогда разойдемся.

Он едва стоял на ногах, сел на стул и, устало потирая виски, сунул бумагу за пазуху.

Юань Цзяоянь двинулся было вперед.

Но И Цунчжоу оказался быстрее.

Камень, пущенный сзади, пролетел мимо ноги Юань Цзяояня, и тот, уклонившись, потерял мгновение, позволив И Цунчжоу обогнать его и подойти к Мо Ину.

Мо Ин, заметив его краем глаза, слабо улыбнулся:

— Ты пришел.

И Цунчжоу, вытирая руку о рукав, сжал кулак, затем разжал и медленно протянул руку.

С другой стороны, Ван Си также протянул руку:

— Ваше Величество, вы устали, позвольте мне проводить вас во дворец.

Взгляд И Цунчжоу, как молния, устремился на Ван Си.

В тот же миг Ван Си почувствовал себя окруженным дикими зверями, не смея пошевелиться и едва дыша.

Мо Ин не двигался, и И Цунчжоу протянул руку чуть дальше.

Его тонкие пальцы легли на руку, и он, слегка надавив, помог Мо Ину встать.

— Я хочу поговорить с тобой.

Голос Мо Ина был едва слышен.

И Цунчжоу позволил ему опереться на свое плечо:

— Тогда пойдём ко мне.

Мо Ин слегка кивнул и приказал Ван Си:

— Я пойду к генералу Чанпину обсудить дела. Обеспечь, чтобы нас никто не беспокоил.

— А как насчет меня? Включает ли «никто» твоего дядю?

Юань Цзяоянь, неспешно подойдя, встал сбоку от Мо Ина, блокируя путь И Цунчжоу.

И Цунчжоу и он обменялись взглядами, оба молчали, в глазах не было и следа улыбки.

Мо Ин страдал от головной боли. В обычное время он бы непременно ответил Юань Цзяояню,

но сейчас у него не было сил. Мужчина должен уметь сгибаться, и он уже не раз просил его о помощи. Лучше бы он исчез, чтобы можно было отдохнуть.

Его пальцы выскользнули из рукава и ухватились за край одежды Юань Цзяояня.

Он слегка потянул и тихо сказал:

— Дядя, позволь мне отдохнуть, хорошо?

Его голос, обычно мягкий, сейчас звучал еще нежнее.

Юань Цзяоянь считал себя непробиваемым, но в этот момент даже самый твердый лед растаял бы.

— Отдых — это хорошо. Если ты хочешь отдохнуть, можешь пойти ко мне. Кстати, мы с тобой, племянник, никогда не беседовали при свечах.

И Цунчжоу плотно сжал губы.

О чем можно говорить с этим извращенцем? Мо Ин отпустил рукав Юань Цзяояня, но тот перехватил его руку.

— Ваше Величество!

Громкий мужской голос прервал их. Сюэ Чжунго подошел сзади, встал между троими.

Юань Цзяоянь на мгновение заколебался, затем убрал руку.

— Ваше Величество, у меня есть вопрос. Могу ли я узнать, кто сообщил вам об этом? Есть ли у него еще какая-то информация?

Конечно, это был он сам.

Мо Ин не собирался раскрывать свою личность и махнул рукой:

— Сюэ Чжунго, не спрашивайте. Еще многое предстоит выяснить. В подходящее время я все объясню.

— Хорошо, хорошо!

Сюэ Чжунго, полный заботы, сказал:

— Ваше Величество, берегите себя. Если вам плохо, позовите врача.

— Не нужно.

— Тогда идите отдыхать! На церемонии вы попали под дождь. Если заболете, что будет с государством? Здоровье императора — это основа благополучия народа.

Его забота была искренней.

И Цунчжоу поддержал Мо Ина, и они двинулись вперед.

Благодаря вмешательству Сюэ Чжунго Юань Цзяоянь больше не приставал и молча наблюдал, как они уходят.

Как зверь, готовый к прыжку.

И Цунчжоу, будучи третьим по рангу чиновником и военным, не мог ехать в одной карете с императором и шел снаружи, сопровождая его. Дождь не прекращался, и Юэ Ли предложил И Цунчжоу сесть в следующую карету, но тот лишь бросил на него взгляд, заставив замолчать.

<http://bllate.org/book/15421/1364219>